

В сравнении с Платоном учение о музыке Аристотеля является более эмпиричным, так как в большей степени подчинено практическим задачам (вопросы музыкального воспитания, освещенные в восьмой книге «Политики»). Обучение музыке должно сочетать в себе эстетические, нравственные и интеллектуальные цели, но оно не должно ограничивать себя только слушанием, предполагается также практическое знакомство с музыкальным искусством (владение каким-либо музыкальным инструментом).

В эстетике Аристотеля вместе с учением о мимезисе имеет большое значение учение о катарсисе (очищении через проецирование ситуаций, происходящих с героями на себя, и сопереживание им). Главным фактором, приводящим к сопереживанию, являются аффекты (эмоциональные состояния; настроения как внешне, так и внутренне выраженные).

Учение Аристотеля о природе любого искусства как о мимезисе говорит в пользу главенствующей роли всеобщего, потому что человек, подражая природе, создает произведения. И именно подражательная способность доставляет человеку удовольствие, так как она является источником познания.

За всю историю изучения данной проблемы так и не было найдено однозначного ответа. Однако вариантом, к которому чаще всего склоняются мыслители, является примат всеобщего. Таким образом, роль музыканта снижается, он выступает носителем музыки, приобщившимся и прочувствовавшим ее, но не способным внести индивидуальное. Именно это причина того, почему в античности личность музыканта-исполнителя ценилась не так сильно, как личность музыканта теоретика, занимавшегося изучением мировой гармонии.

Библиографический список:

1. Шестаков В. П. От этоса к аффекту. М. : Музыка. 1975. 351 с.
2. Ямвлих. О Пифагоровой жизни. М. : Алетея. 2002. 189 с.
3. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М. : Мысль. 1994.
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М. : Мысль. 1993.
5. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература. 1998. 1392 с.
6. Лосев А. Ф. История Античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. Т. IV. М. : Искусство. 1975. 672 с.
7. Татаркевич В. Античная эстетика. М. : Искусство. 1977. 327 с.

Стеценко В. И., Галуйко Р.М.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ ФОРМЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В КИЕВСКОЙ РУСИ И ЕЕ ИДЕЙНЫХ ИСТОКАХ

Аннотация. Рассмотрены социокультурные факторы, которые определяли своеобразный характер, тенденции зарождения и развития киеворусской философии в форме религиозно-философской мысли. Проанализировано патристические источники религиозной философии Киевской Руси как теоретической основы её христианского богословия.

Ключевые слова: религиозная философия, идейные истоки, неоплатонизм, патристика, богопознание, монотеизм.

Проблема религиозной формы, в которой зародилась и развивалась философская мысль в Киевской Руси, уже достаточно широко освещена в историко-философской литературе. Как там традиционно отмечается, зарождение и развитие философской мысли в Киевской Руси после её официального крещения целиком закономерно происходило в пределах обусловленной последним религиозной формы общественного сознания [8, с. 33-41]. В частности, существование философии Киевской Руси в такой религиозной форме, основной проблематикой которой являлось осмысление христианских религиозно-богословских идей, в значительной степени обуславливалось её во многом общими с начальной стадией формирования отечественного православного богословия идейными истоками (традициями, источниками, началами), на что также указывают известные исследования киеворусской философской мысли [1, 2, 4, 8].

Относительно обстоятельств происхождения богословско-философской мысли Киевской Руси как единого идейно-мировоззренческого комплекса из общих для него идейных истоков, то, как обычно подчёркивается в исследованиях данной проблемы, они были связаны прежде всего с определяющим влиянием византийско-восточно-христианской (с 1054 г. – православной) традиции с преобладающей в ней иррационально-мистической тенденцией (“линией Платона”) в познании [1, 2, 4, 9, 12]. Одновременно результаты исследований социально-культурных факторов, которые определяли своеобразный характер философской культуры Киевской Руси, позволяют проследить их влияние также и на процесс становления в ней рационалистической тенденции (“линии Аристотеля”) в познавательной сфере в условиях характерного для Средневековья доминирования иррационального способа познания и объяснения действительности [4; 10, с. 21-55; 11].

Характерной особенностью зарождения философии в Киевской Руси, как отмечают исследователи, является то, что она формируется не столько в пределах теоретического познания, создания систем теоретических положений, сколько является результатом всего духовно-практического освоения мира в процессе христианизации киеворусской культуры. Вот почему специфика историко-философского исследования идейных истоков философской мысли в Киевской Руси как прежде всего религиозной философии, философских основ киеворусского богословия состоит в том, что его объектом является весь комплекс памятников богословско-философской литературы Древней Руси, начиная с переводной византийско-болгарского происхождения и продолжая первыми собственными оригинальными сочинениями киевских “книжников” [4, с. 12].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, важно учитывать, что, как свидетельствуют многие заметные исследования киеворусской философской мысли или в целом истории отечественной философии, истории отечественного православного богословия, их идейные источники и начала по существу и по времени совпадают, поскольку доминирование в их содержании общей для них византийско-православной традиции в философии и богословии началась еще с периода официального введения на Руси христианства и вызванного этим появления такой переводной богословско-философской литературы, как, например, “Изборники Святослава” 1073 и 1076 гг. [1-4, 12]. Уже в первом из них содержались идейные источники, знакомившие с античным философским наследием, прежде всего с философией Платона и Аристотеля, которые пользовались наибольшей популярностью в средневековой богословско-философской мысли, со взглядами неоплатоника Порфирия Тирского, которые вместе с идеями Платона можно также назвать определяющими для начала формирования философской и богословской мысли Киевской Руси в русле общей для них византийско-православной традиции. Это как сугубо философский трактат Теодора Раитутского, так и богословско-философский трактат Максима Исповедника, а также отрывки из сочинений таких авторитетов ранней восточно-христианской патристики, как Василий Великий (Кесарийский), Григорий Богослов (Назианзин), Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, ссылки на Псевдо-Дионисия Ареопагита, фрагменты “Диалектики” выдающегося представителя поздней византийской патристики Иоанна Дамаскина [1 – 3; 4, с. 12; 9, с. 146-158].

К таким источникам относятся и более поздние переводы главных произведений Дамаскина – “Богословия” и “Источника знаний”, также, как и особенно популярного на Руси “Шестиднева” Иоанна, Экзарха Болгарского, который широко ссылался на Платона и Аристотеля, сочинений других болгарских богословов и церковных деятелей – Климента Охридского и Константина Преславского, книг византийских писателей – “Хроники” Иоанна Малалы и “Диоптры” Филиппа Философа [1; 4, с. 12-13]. Но, как замечают, в частности, В. Горский и Н. Городецкая, едва ли не наибольшее отражение в киеворусской философской мысли нашли идеи неоплатонизма, “христианизированные” представителями восточной патристики и Псевдо-Дионисием Ареопагитом, что в таком виде вошли в средневековую философскую традицию “линии Платона” [3; 4, с. 13]. При этом, подчеркивает В. Горский, следует учитывать, что неоплатонизм как синтез всего опыта предыдущей античной философии был не столько “обновлением” философии Платона, сколько соединением его учения со взглядами древнегреческих стоиков, скептиков, эпикурейцев, Аристотеля. Поэтому донесенное переводной византийско-болгарской литературой, начиная с “Изборника Святослава” 1073 г., в Киевскую Русь античное философское наследие в значительной степени было представлено сквозь призму неоплатонизма – как в работах его непосредственных представителей (Порфирий), так и популяризаторов его идей в восточной патристике (Максим Исповедник и другие авторы) [4, с. 13]. Не удивительно, что связанная с христианизированным неоплатонизмом византийско-православная традиция “линии Платона” прослеживается позже и в оригинальной киеворусской богословско-философской литературе, уже начиная с таких её первых известных произведений, как “Слово про Закон и Благодать” митрополита Иллариона, проповеди игумена Феодосия Печерского и епископа Кирилла Туровского.

Такая тенденция, безусловно, в значительной степени обуславливалась конфессиональной (а именно – восточно-христианской, византийско-православной) спецификой религиозной формы существования философской мысли в Киевской Руси. Отсюда, при всех проявлениях сочетания в философской культуре Киевской Руси традиций иррационализма (“линии Платона”) и рационализма (“линии Аристотеля”), доминирование первой из них. В свою очередь, анализ концептуального содержания данной византийско-православной традиции, как и других составляющих (источников и начал) в идейных истоках формирования религиозной философии Киевской Руси, в работах, кроме вышеупомянутых В. Горского и Н. Городецкой, также О. Билецкого, С. Бондаря, Е. Сырцовой и многих других исследователей свидетельствует, что это содержание сводилось преимущественно к идеям Платона и его позднеантичных последователей (Плотина, Порфирия, Прокла, Юлиана, Ямвлиха), интерпретированных (“христианизированных”) восточно-христианским патристическим богословием [1 – 3; 4, 9, с. 146-158].

Причём, в отличие от западно-христианской патристики (августинизма), где главным объектом христианизации был платонизм, восточную патристику особенно интересовал именно неоплатонизм. Применительно к переводной богословско-философской литературе Киевской Руси здесь также характерным примером может служить “Изборник Святослава” 1073 г., где всё античное философское наследие – учения стоиков, скептиков, эпикурейцев, Платона, Аристотеля – “прочитывается” его авторами, прежде всего

представителями восточной патристики, в целом с позиций христианизированного неоплатонизма. Поэтому необходимым условием всестороннего изучения идейных истоков религиозной формы философской мысли в Киевской Руси является рассмотрение её патристических источников, начиная с анализа самой интерпретации восточной патристикой неоплатонизма как позднеантичного итога и синтеза главным образом предыдущего древнегреческого богоискания и богопознания с целью его использования для теоретического обоснования христианства и его богословия.

Библиографический список:

1. Білецький О. Перекладна література візантійсько-болгарського походження / О. Білецький [Текст] // Білецький О. Збір. праць. - К.: Наук. думка, 1965. - С. 6-58.
2. Бондарь С. В. Философско-мировоззренческое содержание "Изборников 1073-1076 годов" [Текст] / С. В. Бондарь. - К.: Наук. думка, 1990. - 152 с.
3. Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви [Текст] / С. Н. Булгаков. - К.: ЛОГОС, 1991. - 238 с.
4. Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI - начала XII в. [Текст] / В. С. Горский. - К.: Наук. думка, 1988. - 136 с.
5. Греков Б. Д. Киевская Русь [Текст] / Б. Д. Греков. - М.: Госполитиздат, 1983. - 638 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. [Текст] / В. В. Зеньковский. - М.: Академ. проект, 2001. - 880 с.
7. Отечественная общественная мысль эпохи средневековья (историко-философские очерки): [сб. науч. трудов] [Текст]. - К.: Наук. думка, 1988. - 323 с.
8. Отечественная философская мысль XI-XVII вв. и греческая культура: [сб. науч. трудов] / АН Украины. Ин-т философии; [редкол.: В. М. Ничик [и др.]. - К.: Наук. думка, 1991. - 340 с.
11. Рациональность как предмет философского исследования [Текст]. - М.: ИФРАН, 1995.
12. Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории [Текст] / П. П. Толочко. - К.: Наук. думка, 1987. - 545 с.
13. Флоровский Г. Пути русского богословия [Текст] / Г. Флоровский. - Париж: YMCA-press, 1981. - 599 с.

Столетов А. И., Лукманова Р. Х.

РЕЛИГИОЗНОЕ ТВОРЧЕСТВО: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛЮС

Аннотация. Через обращение к пониманию сущности религии в богословском учении Ф. Шлейермахера раскрывается сущность религиозного творчества, заключающегося в созидании духовной связи своей личности с миром и Богом. Это созидание произрастает из чувства всеобщей взаимосвязи и тотальной свободы, называемых благодатью.

Ключевые слова: творчество, креативность, религия, Ф. Шлейермахер, человек.

Еще в начале прошлого века мыслители ощущали «усталость» культуры, выражающуюся в осознании ограниченности сил философии, науки, искусства и религии наделить человека полнотой жизни. Например, Н. А. Бердяев, обращаясь к проблеме сущности творчества, отмечал, что «культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть великая неудача» [1, с. 299]. Видя в творчестве способ преодоления замкнутости человека в земном существовании, он полагал, что в последней, тайной своей сущности творчество церковно, и в ходе религиозного творчества создается мировое богочеловеческое тело [1, с. 305]. Интересно, что русский философ делает акцент на религиозной природе творчества в тот период, когда наука, стремительно развиваясь, завоевывает все новые и новые социокультурные пространства, осваивает новые уровни Вселенной, и, несмотря на кризис классических форм, завоевывает все больший авторитет, становясь основой для инженерно-технического творчества, влияя на сферу художественного через создание новых технологий.

Мы не станем касаться аспектов креационизма, поскольку для их осмысления необходимо разбираться с природой Абсолютного начала, что само по себе – сложнейшая проблема. К тому же, мыслители, начиная с Античности, через Средневековье и к современной теологии достаточно много об этом сказали. Попробуем разобраться, в чем именно заключается религиозное творчество с точки зрения антропологической. Для этого необходимо сформировать понимание сущности религии, поскольку специфика того или иного вида творчества тесно связана с сущностью того социокультурного феномена или процесса, в рамках которого творчество осуществляется. Д. В. Пивоваров определяет религию как изменяющуюся духовную связь с одним из трех идеальных «пределов»: Абсолютным Я, родовым человеком или Богом [2, с. 19].

В своем понимании религии мы будем исходить из богословской концепции Ф. Шлейермахера, изложенной в «Речах о религии...» [3]. Отмечая, что религия тесно связана с богопознанием, он видит суть этого